

**Октябрьский переворот в оценках меньшевистской интеллигенции (конец 1917 – начало 1918 гг.)<sup>1</sup>**

Конечно, с сегодняшних позиций события 100-летней давности представляются по-иному, нежели современникам Октября 1917 года. Однако это вовсе не означает, что их восприятие революционных потрясений было ограничено «бытовыми зарисовками», и они были не способны уловить отдаленные перспективы революционного процесса. Конечно, партийная «оптика» в значительной мере корректировала ракурс зрения. А бурные события первых послереволюционных недель и месяцев придавали особую остроту и полемичность былым сугубо теоретическим разногласиям. Например, в предисловии к одному из номеров журнала меньшевиков-оборонцев «Дело» объявлялся "крестовый поход" против «разлагающего социал-демократию и контрреволюционного по существу большевизма и ленинизма» [10, с. 3].

Если говорить о меньшевиках, как представителях левого крыла российской интеллигенции, то их оценки отражали принципиальные установки одного из основных направлений российского социал-демократического движения относительно перспектив революции и сущности нового строя. При этом надо учитывать, что не только социал-демократия вообще, но и меньшевизм, в частности (как до октябрьского переворота, так и после него) не были чем-то монолитным. Сторонники разных моделей дальнейшего развития страны весной-летом 1917 г. оформились в социал-демократические организации «Единство», РСДРП (и), РСДРП (б) и РСДРП (о). В мае 1917 г. Ю.О. Мартов отказал В.И. Ленину в объединении при условии разрыва с оборонцами, оправдывая это решение общей с меньшевиками разных направлений оценкой социально-экономического содержания российской революции. Но одновременно в

---

<sup>1</sup> *Опубликовано: Орлов И.Б. Октябрьский переворот в оценках меньшевистской интеллигенции (конец 1917 – начало 1918 гг. // Тетради по консерватизму: Альманах. 2017. № 4. С. 211-222.*

опубликованной в этом же месяце «Декларации меньшевиков-интернационалистов» критиковалась политика революционных оборонцев, вставших на путь сотрудничества с Временным правительством [55, с. 125,130]. Несовпадение линий идейно-политического и организационного размежевания отражало незавершенность процесса политического структурирования российской социал-демократии [Подробнее по этому вопросу см. 24, С. 14-19] и, в свою очередь, отражалось на оценках большевистского переворота и первых шагов «триумфального шествия советской власти».

И еще одно существенное обстоятельство. Вскоре после состоявшегося в августе 1917 г. объединительного съезда<sup>2</sup>, на котором были представлены 272 организации (около 200 тыс. меньшевиков разных фракций и направлений) внутри российской социал-демократии произошла очередная перегруппировка позиций. В частности, революционные оборонцы (И.Г. Церетели, М.И. Либер, Ф.И. Дан) фактически перешли на позиции крайних оборонцев во главе с А.Н. Потресовым, сблизившись с «Единством». В силу этого меньшевики-интернационалисты отказались от поддержки революционных оборонцев, хотя и не разорвали организационные связи с РСДРП (о). Тогда как независимые (объединенные) социал-демократы взяли курс на создание новой партии. Съезд показал, что у меньшевиков, в отличие от большевиков, не было непререкаемых вождей (Г.В. Плеханова на съезд даже не пригласили). Мартову не удалось вбить клин между революционными оборонцами (И.Г. Церетели) и оборонцами-самозащитниками (А.Н. Потресов). Съезд прошел под знаменем победы курса Церетели, а Мартов был вынужден отказаться от создания собственной партии [55, с. 253,258,265,267]. Все это также не могло не сказаться на оценках Октябрьского переворота и его последствий.

---

<sup>2</sup> Впрочем, съезд скорее декларировал единство, четко обозначив два направления в политике меньшевистских групп: ориентацию на коалицию с либералами и отстаивание идеи однородного социалистического правительства.

Очевидно, что логику политического поведения меньшевиков невозможно понять без обращения к их представлениям о характере революционного процесса в России. Так, для всех течений меньшевизма в этот период была характерна уверенность в буржуазно-демократическом характере российской революции. Однако для правого меньшевистского спектра одной из ведущих проблем оставалась взаимосвязь политической и социальной революции в России. К примеру, автор меньшевистской программы муниципализации земли П.П. Маслов летом 1917 г. ограничивался рассуждениями о необходимости перераспределения национального дохода между классами и производительных сил между отраслями промышленности путем «давления демократии» на государственную власть при сохранении капиталистического строя [31, с. 6-9]. По мнению известного экономиста, «пролетариат, завоевавший для страны политическую свободу, не может оставаться у власти», так как этому противоречили «все основы капиталистического строя». Несмотря на трудность «предвидеть размах русской революции», Маслов указывал «не только на невозможность в настоящий момент социалистического переворота, но и на крайние затруднения сохранить сделанные социально-политические завоевания». Пессимизм будущего советского академика объяснялся, прежде всего, экономической разрухой и безработицей, препятствующими развитию производительных сил страны [31, с. 15-16]<sup>3</sup>.

Против максималистских оценок перспектив развития революции большевиками и меньшевиками-интернационалистами выступила и член ЦК правооборонческого «Единства» Л.И. Ортодокс, апеллируя к тому, что социалистическая революция предполагает высокий уровень экономического развития и сосредоточение интересов общества именно в пролетариате [42, с. 17-18,24]. Лидер правого крыла социал-демократии А.Н. Потресов свой пессимизм относительно перспектив российской революции связывал с опасностью ее «катастрофического обрыва». Теоретика оборончества пугали

---

<sup>3</sup> Более подробно об идеях и деятельности П.П. Маслова см. [40,41].

сопровождающие революцию полуазиатчина и анархическое бунтарство, отсутствие в русском народе «начал ... общественного, планомерного строительства» [46, с. 118,122].

Правые меньшевики негативные тенденции развития русской революции обнаруживали, прежде всего, «в ярких демагогических лозунгах типа «Власть народу!», в противопоставлении трудового народа ... интеллигенции, самозахвате крестьянами земли, требованиях рабочих непрерывного повышения зарплаты, взаимном недоверии города и деревни, хаосе и митинговщине». Другими словами в том, что «общее дело вдруг стало никому не дорого» [50, с. 109-111]. У меньшевиков-оборонцев, сплотившихся вокруг журнала «Дело», не было сомнений, что «всякая революция в условиях развития капиталистического строя имеет международный характер», в силу чего «русская революция «зажжет пожар» всемирной социалистической революции ...» [26, с. 93-94]. Впрочем, с уточнением, что революция в одной стране может только ускорить внутренние процессы в другой стране, а не подменить их. В частности, один из лидеров российского профсоюзного движения В.О. Левицкий не усматривал «объективных предпосылок социалистического строя в военно-государственном социализме Германии». Очевидно, что мировая война не приблизила Европу к социализму, а наоборот отбросила ее с точки зрения развития производительных сил назад [26, с. 95].

Что касается позиции меньшевиков-объединенцев (Р.А. Абрамович, Б.И. Горев, Ф.И. Дан, М.И. Либер, А.С. Мартынов и др.), то орган ЦК РСДРП (о) «Рабочая газета» в сентябре-октябре 1917 г. поднял ряд важнейших практических вопросов. На фоне корниловского мятежа речь, прежде всего, шла о формировании общенационального правительства, способного довести страну до Учредительного собрания [43]. Опасность для развития революции они видели в поднимающем голову «большевицком авантюризме» с его идеями диктатуры пролетариата и контроля рабочих организаций над банками и производством, что неизбежно вело к «прочному торжеству

контрреволюции» [8]. Поэтому меньшевистские публицисты выступали против большевизации советов, несущей в себе опасность изоляции «передовых отрядов революционной армии» и открытого столкновения с «враждебными демократии силами» [39]. Они не сомневались, что для Ленина и его сторонников лозунг «Вся власть Советам!» – «лишь компромиссная формула», «пока пробьет час для «чистой» диктатуры пролетариата». Да и сами Советы, по их мнению, не охватывали всего спектра демократии: еще были городские думы, земства, профсоюзы, кооперация и прочие формы самоорганизации населения. Именно поэтому при решении вопроса о власти предполагалось апеллировать «ко всей организованной демократии» [52]. Не случайно, одна из газетных заметок так и называлась: «Единство демократии – спасение революции» [11].

В качестве центра объединения всех демократических сил меньшевистская интеллигенция рассматривала Учредительное собрание. Хотя нельзя сказать, что все меньшевики уповали на него как на панацею от всех социальных болезней. В частности, В. Майский (И.М. Ляховецкий) в середине сентября 1917 г. писал о необходимости срочной (не дожидаясь созыва Учредительного собрания) и широкой программы социальных реформ (Хартии социальных вольностей), способных обеспечить «минимум условий человеческого существования» для пролетариата: законодательное закрепление 8-часового рабочего дня и минимальной зарплаты, свободу коалиций и страхование от безработицы [28].

Но на практике большинство лидеров меньшевиков даже накануне Октябрьского переворота не были готовы проявить политическую волю. Они даже не стали настаивать на ответственности Временного правительства перед созданным в начале октября 1917 г. Предпарламентом. Уход большевиков из «нового издания булыгинской Думы» (по выражению Л.Д. Троцкого) меньшевики восприняли с чувством глубокого удовлетворения. А.Н. Потресов счел демарш «врагов революции» благом для Предпарламента, получившего возможность работать «без постоянных

взрывов изнутри». Впрочем, известный меньшевик-эмигрант Н.Н. Суханов в своих воспоминаниях оценивал работу Предпарламента довольно критично: «В Мариинском дворце не было ни революции, ни настоящего дела. Все это было в темном, грязном и заплеванном Смольном. Здесь была только вялая, равнодушная, искусственная инсценировка настоящего дела и настоящего парламента» [Подробнее по этому вопросу см. 35].

Показательно и то, что вечером 24 октября (6 ноября), когда на улицах столицы начались вооруженные столкновения, Предпарламент принял резолюцию меньшевиков, фактически отказывающую правительству А.Ф. Керенского в доверии. Впрочем, сторонник коалиции с кадетами А.Н. Потресов резко осудил это решение: «история ... персонажам российского предпарламента ... обеспечит бессмертие комизма, ... в котором заключен юмор висельника, но который от этого не заслужит большого уважения истории» [44]. В общем, стоит прислушаться к известному российскому историку В.П. Булдакову, что «основные события революции вообще происходили либо помимо политиков, либо при их минимальном, лишь невпопад «провоцирующем», влиянии» [6, с. 8].

Период осени 1917 – весны 1918 гг. демонстрирует широкий спектр оценок революционной действительности. 25 октября меньшевистская фракция Петросовета выступила с протестом против военного заговора (названного ими "преступной авантюрой") большевиков, отказались от участия в Военно-Революционном комитет и вышли из состава Президиума и Исполкома Петросовета [55, с. 286,288,290]. В этот же день на заседании II съезда Советов была зачитана декларация фракции РСДРП (о), в которой большевики обвинялись в том, что «именем Совета за спиной всех других партий и фракций» осуществили военный заговор. Захват власти сторонниками В.И. Ленина оценивался как дезорганизация и срыв советской организации, ввергающие страну в междоусобицу и грозящие военной катастрофой. Одним из пунктов декларации была установка на переговоры с Временным правительством об образовании «власти, опирающейся на все

слои демократии». Фракция сняла с себя всякую ответственность за действия большевиков, «прикрывающихся советским знаменем», и покинула съезд Советов [37, с. 72-73]. Однако далеко не все меньшевики были сторонниками линии на безоговорочный отказ от участия в работе съезда. В частности, меньшевики-интернационалисты и «новожизненцы» свой уход со съезда связывали с отказом последнего от образования нового органа власти из представителей всех социалистических партий. Впрочем, уверенность, что создание Совнаркома является путем к поражению революции, заставила левых меньшевиков все же покинуть съезд [7, с. 33-34].

26 октября ЦК РСДРП (о) распространил листовку, в которой захват власти большевиками охарактеризовал как военный заговор, призвав создавать Комитеты общественного спасения революции и не признавать власть "насильников". На следующий день "Рабочая газета" опубликовала воззвание меньшевиков-интернационалистов, в котором они оправдывали свой уход со съезда нежеланием брать ответственность за развязывание гражданской войны и дальнейшей борьбой за сплочение демократии [55, с. 292,296].

Если еще 29 октября 1917 г. ЦК РСДРП (о) признавал недопустимым любое соглашение с РСДРП (б) «до полной ликвидации большевистской авантюры», то после поражения «мятежа» Керенского-Краснова, руководство меньшевиков высказалось за «соглашение» с большевиками. Правда, смысл «соглашения» заключался в попытке заставить большевиков признать равноправие всей демократии. Но если левоцентристское руководство социал-демократической партии питало надежды на раскол в среде большевиков [47], то правое меньшинство, не желавшее отказываться от «подавления» большевиков любыми средствами, 1 ноября покинуло ЦК РСДРП (о).

Подавляющая часть меньшевиков увидели в Октябрьском перевороте не завершение освободительной борьбы трудящихся, а военный переворот, утвердивший большевистскую диктатуру. Впрочем, лидеры левого крыла,

оценивая Октябрь как катастрофу, тем не менее, признавали его неотвратимость, исходя из того, что за большевиками пошло большинство рабочего класса. Именно этим объясняется тактика «умывания рук» О.Ю. Мартова, о чем он писал П.Б. Аксельроду 19 ноября 1917 г. [7, с. 36].

Меньшевики-интернационалисты после прихода к власти большевиков перешли в демократическую оппозицию, а Ю.О. Мартов восстановил свое лидерство в партии<sup>4</sup>. 2 ноября 1917 г. ЦК РСДРП (о) принял резолюцию об условиях продолжения переговоров с большевиками, включая освобождение всех политзаключенных, прекращение политического террора, восстановление свободы слова и печати. Правда 3 ноября петроградские меньшевики-оборонцы 3 ноября признали ошибкой участие в создании совместной с большевиками однородной социалистической власти. Тем не менее, именно Мартов в начале сыграл ведущую роль в организации переговоров представителей всех социалистических партий. Резко протестуя против переворота, он не считал возможным оказывать большевикам вооруженное сопротивление, рассчитывал на раскол у большевиков и ультиматум Викжеля. Противником вооруженной борьбы с большевиками были также И.Г. Церетели, Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод [55, с. 115,132,301,306,336,343].

Наиболее последовательный противник большевизма А.Н. Потресов, не фетишизировал идею единства партии, считая большевизм контрреволюцией и воплощением всего антиморального. Тогда как Мартов, отрицательно относящийся к новой власти, не верил в скорое ее падение и был согласен поддержать большевиков на условиях создания коалиционного демократического правительства и отказа от террора. Он хотел не свергнуть, а исправить власть большевиков [55, с. 348,349,351]. Впрочем, и оборонцы и интернационалисты постоянно колебались: то допускали возможность

---

<sup>4</sup> До декабря 1917 г. в партии меньшевиков доминировали революционные оборонцы, а затем большинство перешло к меньшевикам-интернационалистам во главе с Ю.О. Мартовым.



компромиссного соглашения с большевиками, то были категорически против переговоров с ними.

На проходившем в Петрограде 30 ноября - 6 декабря 1917 г. чрезвычайном съезде РСДРП (о) были представлены все течения – от бывших в большинстве интернационалистов до оборонцев. Несмотря на все теоретические разногласия,<sup>5</sup> резолюция съезда о единстве партии включала в себя следующие принципиальные положения:

- переживаемая революция не может осуществить социалистическое преобразование общества, так как началась не с передовых капиталистических стран, а в России, где производственные силы стоят на низкой ступени развития. В силу этого все попытки направить революцию по пути осуществления социалистического строя «обречены на неизбежное крушение»;

- границы революции определяются «коренной демократической организацией общественного строя», чтобы освободить «скованные производительные силы» и тем самым создать почву «для всестороннего развития капитализма, подготавливающего необходимые предпосылки для социалистической революции»;

- осуществление задач демократической революции достижимо «лишь сочетанием сил пролетариата и городской и сельской мелкобуржуазной демократии», что позволит избежать подмены власти всей демократии диктатурой меньшинства;

- захват власти большевистской партией стал возможен потому, что революция не удовлетворила потребности широких масс в ликвидации войны, передачи земли крестьянам и регулировании хозяйственной жизни страны;

---

<sup>5</sup> Расхождения между меньшевистскими группами не носили программного или стратегического характера, а сводились к методам борьбы с большевистским режимом.

- методы, которыми подготавливался и осуществлялся Октябрьский переворот и «те утопические цели, которые ставит себе большевистская партия», создали непримиримые политические и социальные противоречия;
- поэтому «политика произвола и насилия» привлекает к себе темные элементы и подготавливает контрреволюцию [14, с. 2-3]<sup>6</sup>.

Действительно, следует говорить о несовместимости всего происходящего в России во время революции с пониманием лидерами меньшевиков социальной гуманности и нравственных принципов цивилизованного общества. Например, лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов в личном письме к Н.С. Кристи 30 декабря 1917 г. объяснял свое неприятие произошедшего: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, тем самым фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве» [Цит. по: 53, с. 120].

Тем не менее, документы свидетельствуют о двойственном отношении меньшевиков к большевистскому перевороту. Если одни выступили яростными противниками новой власти, создавая Комитеты общественного спасения, то другие (в числе которых был и Мартов) колебались, считая невозможным для социалиста решать вопрос о власти силой оружия<sup>7</sup>. 26 октября 1917 г. в «Рабочей газете» Мартов утверждал, что «среди членов ЦИК нет ни одного, который бы отрицал право пролетариата на восстание». Однако в тот момент, по его мнению, условия этому не благоприятствовали. Кроме того, меньшевики не могли согласиться с методами, которыми большевики расчищали путь к власти. Впрочем, Мартов высказывал надежду, что следом за периодом разрушения всякая революция должна

---

<sup>6</sup> Однако правые оборонцы отказались войти в новый ЦК РСДРП (о), что на практике свело решение о единстве партии к простой декларации намерений.

<sup>7</sup> Об этом, в частности, свидетельствуют письмо Мартова П.Б. Аксельроду от 19 ноября 1917 г. [30, с. 14].

неизбежно перейти к созиданию [54, с. 260,262]. Исходя из факта политического поражения собственной партии<sup>8</sup>, левое крыло меньшевизма не становилось в оппозицию большевикам ради самой идеи оппозиции. Оставаясь в рамках советской легальности, они сочетали критику с поддержкой отдельных мероприятий режима<sup>9</sup>.

Уже в начале января 1918 г. левоцентристский лагерь меньшевизма отмежевался от правых социалистов с их «самой распространенной иллюзией наших дней» - «единым социалистическим фронтом». В редакционной заметке «Забайкальского комсомольца» от 5 января предрекался конец «головному социализму», как «доверенному лицу буржуазии», имеющему «столько же общего с действительным социализмом, сколько буржуазия с демократией» [17, с. 1]. Не случайно, один из корреспондентов газеты весьма положительно расценивал закрытие ряда меньшевистских изданий («Единства», «Рабочей газеты», «Дела рабочего» и др.), которые создавались «словно со специальной целью – для травли большевиков». Автор заметки оправдывал действия властей тем, что эти газеты занимали «откровенно соглашательскую позицию», тогда как большевики никогда не отступали «с линии непримиримой классовой борьбы пролетариата с капиталом» [21].

Впрочем, представители умеренного меньшевистского крыла сомневались, что именно «крайне левые» - наиболее последовательные революционеры. Политику «господ сегодняшнего дня» - большевиков они нередко рассматривали как политику «погромщиков, рыцарей с большой дороги, в лучшем случае анархистов» [34]. Поэтому в резолюции ЦК РСДРП (о) о закрытии «Рабочей газеты» звучал призыв к партии организовать движение протеста против произвола большевиков [48, с. 2]. В частности, представитель читинской организации РСДРП (о) А. Архангельский

---

<sup>8</sup> Это признавалось в опубликованном 19 ноября 1917 г. обращении 11 меньшевиков-интернационалистов - членов и кандидатов в члены ЦК РСДРП.

<sup>9</sup> Более того, в 1919 г. Мартов, вдохновленный активизацией революционного движения в Европе, признал, что всякая национальная революция, порожденная мировой войной, неизбежно передает власть в руки пролетариата [29, с. 5].

выступил против претензий одного класса «на исключительную ценность в общественном производстве» и на неограниченную никем власть, подчеркивая, что такая диктатура ведет к застою самого господствующего класса [4]. А орган Нижегородского губернского комитета РСДРП (о) газета «Жизнь» задавалась вопросом: «Скоро ли придет конец самодержавию штыка?». Выросший «как гнойная рана на теле революции», большевизм расценивался как «теория погони за настроениями масс, невыполнимых обещаний, фальшивых политических векселей». Это, по мнению меньшевиков-объединенцев, предрешало судьбу революции, которая «скоро должна будет пасть» [51].

А.Н. Потресов сразу после Октябрьского переворота утверждал, что «старуха история» не знает «всемирно-исторического мошенничества, которое могло бы сравниться с грандиозностью октябрьского ... предприятия большевиков». В этом политическом перевороте он увидел «доведенное до последних пределов умение втирать очки тому народу, который якобы является хозяином в стране». Но реально в стране, по его убеждению, «хозяйничает штык», то есть пролетариатом не пахнет нигде, а «пахнет всюду гарнизоном», перед которым отчитываются новые «комиссары» [45]. Представителей оборонческого крыла меньшевистского движения пугало, что большевики делают все для того, чтобы «вытравить из души масс все человеческие чувства», чтобы бросить народ «на самое дно нравственного падения» [49]. В частности, видный профсоюзный деятель С.М. Шварц критиковал воззвание Петроградского ВРК, в котором звучала угроза уморить голодом «богатые классы и их приспешников», то есть всех, кто не подчинится «ленинским насильникам». Эта «дикая угроза», по мнению бывшего заведующего отделом социального страхования Министерства труда, была призвана подготовить население к мысли, что виновником продовольственной катастрофы являются саботирующие служащие различных учреждений. Хотя забастовка правительственных учреждений имела целью не остановку работы государственного аппарата, а

«недопущение узурпаторов к правительственному механизму», большевики подменили понятия «забастовка» и «саботаж» [56].

Политику большевистской партии, по мнению читинского меньшевика-объединенца Мошковского, можно было расценивать как политику «черной сотни» и контрреволюции, опиравшуюся на террор и «вооруженную солдатскую силу, лишенную всякого классового сознания». То есть у правых меньшевиков не вызывал сомнений солдатский характер большевистского переворота, который тайно, «как воры в ночи» совершили войска под командованием «своих вождей». Но ведь солдаты не составляют класса, а представляют собой деклассированную массу, объединенную «шкурным интересом» (в первую очередь, немедленным миром) и требующую «хлеба и водки». Тогда как истинная народная революция совершается не войсками, а самими народными массами. Итогом того, что революцию совершил «русский деклассированный люмпен-пролетарий», стало воцарение «Троцколенина» [34].

По мнению оренбургских меньшевиков, успех сторонников Ленина объяснялся, главным образом, «недовольством масс продолжительностью войны, голодом и простотой лозунгов». Большевики выдали военный заговор за революцию, а полицейский террор – за социализм. Но вместо всеобщего демократического мира страна получила гражданскую войну, вместо хлеба – голод, а вместо отмены смертной казни – самосуды [5]. Одним из самых опасных последствий большевистского восстания стал успех кадетов, которых большевики вытащили на поверхность «своим полицейским социализмом» [23].

В передовице одного из январских номеров «Забайкальской рабочей газеты» открыто критиковались последствия «социалистических экспериментов» новой власти: «... рабочие массы попали в положение изолированной части населения, против которой враждебно настроено все остальное население страны». По мнению авторов передовицы, «большевизм и рабоче-крестьянское правительство оказали медвежью услугу

пролетариату», выступая под его флагом. В результате большевикам удалось привлечь на свою сторону лишь полупролетариат - самых темных, отсталых, недавно влившихся в пролетарскую среду рабочих. Близка к этому слою оказалась и солдатская масса, в умах которой социалистический переворот означал захват, раздел и разрушение [15, с. 1].

По оценкам представителей умеренного меньшевистского крыла, в 1918 год Россия вступила под знаком полного распада: «мнимо-социалистическая политика большевистской власти», сводящаяся, в конечном счете, к «полному разрушению хозяйственного организма государства и к расхищению национального богатства методами насилия и террора, необычно ускорила и обострила этот процесс политического распада России». Их возмущало, что большевики, будучи на словах сторонниками права наций на самоопределение, вплоть до отделения, «на деле пытаются восстановить государственное единство кровью и железом» в рамках республики Советов. Ведь подобная политика вела к распаду государства и появлению нового Бонапарта [16, с. 1].

У нижегородских меньшевиков-объединенцев в начале 1918 г. также не было сомнений, что политика большевиков ведет к «полному банкротству страны» [12, с. 1]. Сложившаяся система большевистского государственного управления позволяла, по их мнению, «мошенничеству развиваться до небывалых размеров», так как ответственность нового начальства опиралась на принцип «не пойман – не вор». То есть на деле происходила не революция, а «бесшабашный разгул» люмпен-пролетариата, сопровождаемый процессом разложения большевистской власти [13, с. 1]. Парадокс состоял в том, что большевистский «опыт введения социализма» давал обратные результаты, так как «социализм мыслим лишь на определенном материальном фундаменте», а крупную промышленность нельзя создать декретами о национализации [20]. Очевидно, что «декретный социалистический строй» не мог быть источником социализма [25].

Впрочем, начало 1918 г. стало периодом не только острой критики большевистского режима, но и временем поиска путей дальнейшего развития революции. Орган меньшевиков-интернационалистов «Забайкальский рабочий» признавал, что «в настоящее время сказалась ошибка, которая делалась социалистическими партиями в своей агитационной и пропагандистской работе», когда мало внимания отводилось переходному периоду, «в течение которого будет происходить крушение капиталистического и установление социалистического строя». Авторы заметки, помимо Красной гвардии, предлагали собрать «иную гвардию – организаторов, которая не с ружьем, а с пером и карандашом в руках будет разрабатывать план, для каждой местности особый, осуществления социализации или национализации всего, из чего и при помощи чего создаются новые ценности». Для этого предполагалось создать соответствующий орган с весьма громким названием - Мобилизационный отдел Главного штаба революции [18, с. 1].

Однако в целом в меньшевистской печати критика итогов революции и большевистской диктатуры преобладала над размышлениями о дальнейших путях революции. Не особо в этом плане ситуация изменилась и к весне 1918 года. Петроградская газета «Вечер» в лице историка и публициста С.Б. Любоша, позиционировавшая себя как «независимая от партийных пристрастий» [27], яростно нападала на новую власть, взявшую на вооружение лозунги о необходимости в России порядка, дисциплины и армии, еще недавно рассматривавшиеся как буржуазные или даже контрреволюционные «в устах «антрепренеров всемирной революции». Впрочем, для автора одной из газетных заметок «кончился процесс «углубления революции» до «пределов безумия и анархии». Он выражал надежду, что «революция входит в берега», а первым шагом к восстановлению «разрушенной храмины» должно стать «оздоровление народной души» [57].

«Мы стали у поворотного пункта революции, и куда будет наш путь дальше, мы не знаем», - вот довольно распространенная позиция социал-демократической интеллигенции умеренного толка. С другой стороны, на страницах меньшевистских изданий сквозила уверенность в том, «что до реставрации дело не дойдет». Большевики надеялись, что условиях, когда «революция у тупика», власти остается только признать, что творчество невозможно из-под палки. Спасти революцию могут «только труд, только творчество и инициатива трудовой интеллигенции» [38].

Корреспондентов «Вечера» возмущало, что власть сплошь и рядом прибегает к политике террора: «... кровожадность к текущим дням, словно к устью, приобретает неслыханный размах». Не справилась власть и со своими обещаниями накормить население: «Революция переливалась снятым молоком в кисельных берегах из подмоченной и выданной на карточки картофельной муки» [2]. В журнале «Барабан» нарисована типичная для оппозиционной социал-демократической печати карикатура, где два «героя дня» сидят на штыках с надписью: «Власть, опирающаяся только на штыки, не всегда чувствует себя уютно» [см. 33].

И это, отнюдь, не были настроения только столичной социал-демократии. Например, донские меньшевики-объединенцы в марте 1918 г. главным врагом революции считали апатию масс, служащая «верным признаком поражения» русского пролетариата [36]. Большевистская интеллигенция никогда не мыслила торжества социалистических идеалов «путем штыка и пулемета», ибо социализм для них был, прежде всего «изъявлением воли большинства». В их понимании социализация общества представляла собой «глубокий и длительный процесс развития производственных сил и отношений». Поэтому русская революция для меньшевиков не могла быть социалистической, а «только политической и только буржуазной» [1]. В их глазах современный «социализм», поставленный большевиками «на голову», на практике означал «превращение общественной собственности в частную», что наглядно



показала судьба кооперативов, чью продукцию распродавали задешево решениями местных советов [9].

К лету 1918 г. реалии большевистского правления проявились для меньшевиков совершенно явственно: « ... политическая диктатура пролетариата ... голод, произвол, расстрелы открытые белым днем и расстрелы по закоулкам темной ночью». Трансформация режима так же очевидна: «Выделенное рабочими правительство превращается в правительство над рабочими» - созданный строй «по образцу буржуазному и самодержавному» [32].

Можно констатировать, что противоречия между большевиками и меньшевиками были обусловлены, в первую очередь, тем, что первые считали, что достичь главных целей можно в основном революционно-насильственными методами. Тогда как меньшевики отстаивали эволюционно-демократические средства. Существенную роль в преобладании негативных оценок большевистского переворота и режима сыграл отказ большевиков от сотрудничества с демократическими силами вообще и с меньшевиками, в частности, которых к маю 1918 г. насчитывалось около 60 тыс. чел. В конце апреля 1918 г. был закрыт орган ЦК РСДРП газета «Вперед», а в мае-июне местные меньшевистские органы («Южный рабочий» в Одессе, «Социал-демократ» в Харькове и др.) подвергались репрессиям. Наконец 14 июня 1918 г. решением ВЦИК меньшевики и эсеры были исключены из советов всех уровней, хотя и не были объявлены (как кадеты) «врагами народа»<sup>10</sup>. Несмотря на идеологические и политические разногласия, большевики оставляли для рядовых членов меньшевистских организаций возможность сотрудничества с Советской властью. Тем более что левые меньшевики не верили в скорое падение большевистской диктатуры и считали вполне возможной

---

<sup>10</sup> Отчасти это решение было спровоцировано деятельностью самих меньшевистских организаций, особенно в провинции, однако прямое обвинение меньшевиков в организации вооруженных восстаний не соответствовало действительности.

демократизацию советской системы. Несмотря на все тактические разногласия, и левые, и правые меньшевики до лета 1918 г. последовательно отстаивали лозунг Учредительного собрания, разгон которого расценивался как преступление против революции. Объединяющей послеоктябрьский меньшевизм идеей оставалась и демократия, на которую возлагались надежды на спасение страны от гражданской войны и экспериментов большевистской диктатуры.

Дальнейшая эволюция меньшевизма в Советской России связана с процессом формирования однопартийной диктатуры с одновременным выдавливанием идеологических оппонентов за рубежи Родины. Когда в 1922 г. в Берлине вокруг журнала «Заря» сложилась внепартийная меньшевистская группа в составе членов плехановской группы «Единство» и сотрудников газеты «День», объединяющим началом стала идея активной борьбы против большевистского режима. В 1925 г. близкий к этой группе правых меньшевиков экономист и статистик С.О. Загорский был уверен, что «советская власть выполнила свою объективную миссию - ... завершила социальную революцию в России». Причем не ту, которую «демагогически обещала массам, а ту, которая нужна была России, для ее дальнейшего экономического и политического развития. .... Советская политика заложила основы господства мелкой буржуазной демократии. Но мавр сделал свое дело, мавр должен уйти» [19, с. 304].

Возвращаясь к реалиям конца 1917 - начала 1918 г., мы вполне можем говорить о политическом поражении меньшевизма. Ситуация осложнилась и тем, что переименование в марте 1918 г. большевистской партии в коммунистическую означало их выход из рядов мировой социал-демократии. Тогда как меньшевики оставались ее составной частью. С одной стороны, они теперь критиковали большевистский режим из другой «системы координат», а с другой стороны, в своей критике и практической деятельности были ограничены боязнью провоцирования гражданской войны. Тем не менее, позиция меньшевиков относительно перспектив

развития революционного процесса в России несла в себе существенный политический потенциал демократизации советского общества. Другое дело, что этот потенциал оказался не востребуемым коммунистическим режимом.

#### **Список литературы:**

1. А.Б. От «коммунизма» к пугачевщине // Рабочее слово. Орган Донского комитета РСДРП (о), Ростов-на-Дону. 1918. № 11. 22 (9) марта. С. 2.
2. Авгур. Простая арифметика // Вечер, Птг. 1918. № 2. 14 (27) марта. С. 3.
3. Аргунов А. Памяти ушедших // Вестник Крестьянской России, Берлин. 1930. № 5 (17). С. 24.
4. Архангельский А. Демократия и государственная власть. Диктатура пролетариата // Забайкальская рабочая газета. Орган Читинской организации РСДРП (о), Чита. 1918. № 20. 4 (17) февр. С. 2-3.
5. Бейрах Е. Народные выборы – народный суд // Рабочая заря, Оренбург. 1917. № 13. 24 нояб. С. 2.
6. Булдаков В.П. 1917 год: Лица, личины и лики революции // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 6-20.
7. Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С. 32-51.
8. Горев Б. Заколдованный круг // Рабочая газета, Птг. 1917. № 149. 1 сент. С. 1.
9. Д. Жертвы «социализма» // Рабочее слово. Орган Донского комитета РСДРП (о), Ростов-на-Дону. 1918. № 11. 22 (9) марта. С. 3.
10. Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6.
11. Единство демократии – спасение революции // Рабочая газета, Птг. 1917. № 166. 21 сент. С. 1.
12. Жизнь. Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП (о), Н. Новгород. 1918. № 12. 18 янв.
13. Жизнь. Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП (о), Н. Новгород. 1918. № 13. 19 янв.
14. Забайкальская рабочая газета. Орган Читинской организации РСДРП (о), Чита. 1918. № 16. 6 янв.
15. Забайкальская рабочая газета. Орган Читинской организации РСДРП (о), Чита. 1918. № 18. 24 янв.
16. Забайкальская рабочая газета. Орган Читинской организации РСДРП (о), Чита. 1918. № 19. 28 янв.
17. Забайкальский рабочий. Орган Забайкальского комитета интернационалистов РСДРП. 1918. № 4. 5 янв.
18. Забайкальский рабочий. Орган Забайкальского комитета интернационалистов РСДРП. 1918. № 20. 28 янв.

19. Загорский С.О. К социализму или к капитализму? Прага: Изд-во Респ.-демокр. союза, 1927. 308 с.
20. Заходер А. Приблизились ли мы к осуществлению социализма? // Жизнь. Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП (о), Н. Новгород. 1918. № 14. 20 янв. С. 1.
21. И. По поводу «Единства» // Забайкальский рабочий. Орган Забайкальского комитета интернационалистов РСДРП. 1918. № 19. 27 января. С. 1-2.
22. Иванович С. Памяти С.О. Загорского // Последние новости, Париж. 1930. 23 марта. С. 2
23. Из огня да в полымя // Рабочая заря, Оренбург. 1917. № 13. 24 ноября. С. 1.
24. Ларионова И.Л. Московская объединенная организация РСДРП и идейно-политическое размежевание в рядах российской социал-демократии (март 1917 – январь 1918 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 32 с.
25. Лебедев Н. Социализм и рост классового сознания пролетариата // Рабочая жизнь, М. 1918. № 17. 24 июня. С. 1.
26. Левицкий В. Русская революция и будущее Европы // Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6. С. 93-102.
27. Любош С. Кто мы? // Вечер, Птг. 1918. № 1. 13 (26) марта. С. 3.
28. Майский В. Неотложная задача // Рабочая газета, Птг. 1917. № 141. 19 сентября. С. 1-2.
29. Мартов Л. Предисловие // Нэн Ш. Диктатура или демократия; Адлер М. Проблемы социальной революции. Харьков: «Наша мысль», 1919. С. 5-7.
30. Мартов Ю.О. Письма 1916-1922 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson: Chalidze Publications, 1990. 328 с.
31. Маслов П. Политическая или социальная революция? // Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6. С. 5-16.
32. Милич Н. Снова расстреливают // Рабочая жизнь, М. 1918. № 17. 24 июня. С. 1.
33. Мист К.В. Революционный юмор // Вечер, Птг.. 1918. № 4. 16 (29) марта. С. 4.
34. Мошковский. О крайне левой // Забайкальская рабочая газета. Орган Читинской организации РСДРП (о), Чита. 1918. № 16. 6 янв. С. 2.
35. Назаров О. «Инсценировка настоящего парламента» // Любители истории URL:  
<http://myhistori.ru/blog/43916630179/«Instsenirovka-nastoyaschego-parlamenta»>
36. Новый враг революции // Рабочее слово. Орган Донского комитета РСДРП (о), Ростов-на-Дону. 1918. № 9. 7 (20) марта. С. 2.

37. Овруцкий Л., Фельштинский Ю., Миллер В. Проигравшие? // Родина. 1990. № 7. С. 71-75.
38. Ленин К. На повороте революции // Вечер, Птг. 1918. № 2. 14 (27) марта. С. 3.
39. Опасный перелом // Рабочая газета, Птг. 1917. № 157. 10 сент. С. 1.
40. Орлов И.Б. Академик П.П. Маслов: приговоренный к забвению // Вестник РАН. 1998. Т. 68, № 4. С. 340-348.
41. Орлов И.Б. «Персонаж исчезнувшей меньшевистской Атлантиды» (Петр Павлович Маслов: экономист, публицист и политический деятель) // Большевики и большевизм. Сборник статей. М., 1998. С. 153-191.
42. Ортодокс Л. Революция и догматизм // Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6. С. 17-29.
43. Перед решением // Рабочая газета. Орган ЦК РСДРП (о), Птг. 1917. № 149. 1 сент. С. 1.
44. Потресов А. Без выдержки // День. 1917. 25 окт.
45. Потресов А. Кто в дураках? // Рабочее дело. Вечерняя газета. Орган петроградских меньшевиков-оборонцев, Птг. 1917. № 4. 10 нояб. С. 2.
46. Потресов А. Роковые противоречия русской революции // Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6. С. 112-124.
47. Рабочая газета, Птг. 1917. 5 нояб.
48. Рабочая заря. Орган Оренбургской организации РСДРП (о), Оренбург. 1917. № 14. 26 нояб.
49. Распоясавшийся хам // Рабочее дело. Вечерняя газета. Орган петроградских меньшевиков-оборонцев, Птг. 1917. № 4. 10 нояб. С. 2.
50. Саломатин П. Родные картины // Дело. Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал, М. 1917. № 3-6. С. 102-111.
51. Скоро ли придет конец самодержавию штыка? // Жизнь. Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о), Н. Новгород. 1918. № 1. 3 янв. С. 1.
52. Советы и демократия // Рабочая газета, Птг., 1917. № 161. 15 сент. С. 1-2.
53. Урилов И.Х. Из истории российской социал-демократии (меньшевизма). Часть первая. Источниковедение. М.: Раритет, 2000. 286 с.
54. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть вторая. Историография. М.: Раритет, 2001. 352 с.
55. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть пятая. Звездные и трагические дни партии (Февраль 1917 - январь 1918 гг.). М.: Собрание, 2013. 464 с.
56. Шварц С. Открытое письмо Петроградским организациям // Рабочее дело, Птг., 1917. № 4. 10 нояб. С. 2.
57. I.A.K. Перед выздоровлением // Вечер, Птг. 1918. № 1. 13 (26) марта. С. 3.